

Ratter

I.

Ну, давай еще по одной. Капуста у тебя замечательно хрустит. Удивительно – как будто не было этих двадцати лет, как будто сейчас, скажем, восемьдесят восьмой. В квартире мало что изменилось, «продукт» как раньше – слеза, капает себе и капает. Простое, казалось бы, дело – уголек и марганцовка, а получается лучше любого «Абсолюта». Вот скажи: почему, когда теплую водку пьешь, какое-нибудь там сакэ – воротит, а когда твой «продукт» прямо в рюмку горяченький капает – замечательно? Какая тут реакция – химическая, в водке, или психологическая – в нас?

Я у тебя за месяц отмяк, кажется – ничего не было, ни в Америку не уезжал, ни с тобой там не гулял. Просто собрались мы по случаю готовности очередной порции и лето вспомнить. Что ж, что не топят и вода с электричеством через день, хорошо хоть газ есть, а все равно кажется, что за окном – наша Москва: очереди за водкой и никаких казино с новыми русскими. Как-то мы к советской власти приспособливались, говно была, но и новая жизнь не пришлась – ни тебе здесь, ни мне там. Я из СССР в Америку эмигрировал, ты – в Россию, оба не пропали, да и старого не вернешь, а все равно – с той жизнью что-то хорошее навсегда кончилось. Обидно, а теперь особенно: куда денешься?!

Так что, какой бы сейчас год ни был – две тысячи восьмой или две тысячи четвертый, на самом деле он – восемьдесят четвертый. Только у Оруэла он после большой крови наступил, а мы сами себе хомут на шею надеваем. Если бы годы по порядку шли, то до восемьдесят четвертого, конечно, не дожить, но время – не водка, у него постоянной скорости протекания нет. Пока можно выбирать, пока жизнь ветвится, варианты разные мелькают – оно течет, его течение в постоянном разрешении неопределенностей, а вот когда

каждое следующее событие логически вытекает из предыдущих и потому заранее известно – времени считай, что нет. При нормальном течении времени логика не работает, она может только *post factum* оправдывать события. А вот когда, как сейчас, оно с ума сходит – можно считать, что оно остановилось или несется как сумасшедшее, что одно и то же. Представь, ты играешь в карты или шахматы: каждый новый ход – это новые возможности, какие-то шансы реализуются, какие-то – нет. Пока ход не сделан, ты только гадаешь, что будет. Время чувствуешь, когда за голову хватаешься: «Как же я, дурак, раньше не допер?» А если я с небоскреба падаю, то время уже остановилось: я ведь знаю что будет, тут допереть нехитро, «блямц» там внизу, и можно считать, что он уже произошел. Как сейчас: похоже, только «блямц» впереди.

Может, если бы это было в СССР, не было бы так обидно – охотились бы за мной КГБ и милиция с управдомом, поймали бы – наручники и в больницу, а там сразу – дрель в нос и готово. Но Америка – страна свободная, там никто никого не заставляет. Все просто: ни автомобильная, ни медицинская страховка не по карману. На работе ты – ”security risk”, вот и соображай – без всякой полиции сам в больницу побежишь, иначе даже пособие по безработице не дадут.

Давай еще по одной? У одного моего знакомого был замечательный тост – «За победу сил добра над силами разума!», вот за это и выпьем, хотя шанс невелик. Я к Америке всерьез отношусь, к конституции, к свободам. Особенно ко второй поправке. Отцы-основатели совсем не дураки были, вторая поправка – это не про пулемет под кроватью или танк в гараже, а про то, чей верх: человека или государства. Они правильно рассудили: если в конституции государство правом свергать не придавить, то оно нам на шею сядет. В ту эпоху достаточно было владеть оружием, чтобы это право обеспечить. По их модели, государство – это табуретка на трех ногах: законодательной, юридической и исполнительной. Сидит на этой табуретке то, что в Америке называют «гражданским обществом», сидит всей своей задницей. Потому что у табуретки

цель существования – быть для этой задницы удобной, а цель существования задницы – не табуреткиного ума дело. Это тебе не российская традиция – задницу к табуретке пристругивать и эту же табуретку на горбу носить. Хотя и гражданское общество может стать большой жопой без головы и с единственной прямой извилиной, что сейчас, кажется, и происходит.

Больше всего я виню себя. Зря смеешься – если бы не мой длинный язык, всего этого могло бы и не быть. Исторический детерминизм – это идея не только марксистская, но и идиотская, не говоря уже о том, что она из нас делает совков без ответственности и чести. Неужели я тебе не рассказывал, как все начиналось? Может, если бы мы с Биллом Джонсом однажды пивка не попили, стучалки вообще бы не было. Нет, как раз «Не ты бы, так другой...» – это и есть ерунда. Зря не веришь, хотя про начало всей истории никто не писал и ни в каких TV шоу не показывал. Билла Джонса забыли, он никогда популярен не стал – настоящий изобретатель. Там еще не накапало?

Я вроде тебе говорил – Джонс у нас в отделе работал. Да, биолог – у нас и отдел почти биологический, я его много лет в коридорах встречал, такой шлимазл, глаза в разные стороны смотрят. Все вокруг заняты молекулярной биологией или хотя бы просто генетикой – выводят чистые линии у мышек, трахают дедушек с внучками или правнуков с прабабками, а он смотрит на эти тысячи мышек и думает: «Как же они мир воспринимают?» С финансированием у него было туго – денег на это дело не было, тут ни гены, ни болезни рядом не лежали – фармацевтические компании на мышиное восприятие мира денег не дадут, наше министерство тоже. Он случайными грантами перебивался, так и дожил бы до пенсии, если бы меня не встретил.

Как-то мне шеф говорит: «Давай, сходим на семинар. Сегодня Джонс рассказывает про своих мышек, отчитывается, что-то он там накопал. Парень он славный (“nice” по-английски), в пятницу после ланча уже ничего толкового не сделаешь, пойдем, а то совсем никто не придет». Пришли: стоит у экрана мужик за сорок с виноватыми

глазами, в аудитории – три с половиной человека. Начинает рассказывать: слух у животных, зрение у животных, какие они там цвета видят, какие – нет, различают ли формы, и все такое – прямо по книжке Реми Шовена «От пчелы до гориллы». Потом – про свою новую методику начал, как он научился у мышек сигнал со зрительных нервов перехватывать, расшифровывать и записывать.

Билл, оказывается, еще и в электронике разбирался, была у него про это степень – то ли из Брауна, то ли из Йеля. Есть способ с помощью слабого магнитного поля определять распределение электрического заряда в пространстве, причем с высокой точностью и высоким разрешением. Вот до него и дошло: сигналы от глаза идут по нервным волокнам и создают переменное распределение электрического заряда в куске пространства за мышиним глазом. Если это распределение умудриться записать да расшифровать, то можно выяснить, какой сигнал по какому волоконцу идет, на какую колбочку какой лучик падает и собрать из этого то самое изображение, которое глаз в эту секунду видит. Вот он этим и занялся: запикивал мышек в индукционную катушку, закреплял их там эпоксидкой – ему же надо было, чтобы они не шевелились – и записывал какие электрические сигналы по их нервишкам шастают. Свинство, конечно – мало того, что жертва инцеста, еще и голову в эпоксидку. Даст он ей наркоз, приклеит – она проснется, а головой уже не пошевелить и челюсти не раскрыть. А ей – кусочек сыра под нос: «Смотри, как вкусно!» Только я думаю, мышке в это время не до сыра было: ей и жить-то оставалось часа полтора, до конца эксперимента.

Рассказал он про все свои зверства и показал кино секунд на тридцать. Серые пятна мелькают, он его раз двадцать прокручивал, чтобы объяснить, что там видно должно быть: «Смотрите, вот это – она сыр видит, а это – моя рука на заднем плане, хотя и трудно догадаться, видите, я сыр убираю, и она глазами за ним следит». Ей бы не за сыром следить, а за шприцем: он же ей сейчас укол в задницу – и прощай, Вася! Народ сидит, недоумевает: на кой хрен

все эти эксперименты нужны, когда видеокамеры давно уже меньше мышинных глаз делают?

Ну, похлопали ему вежливо после доклада, а вопросов не задают. Все встали и пошли к выходу. Хуже всего, что его босс, который семинар вел, тоже ни одного вопроса не задал, это уже за пределами вежливости, это на американском научном языке значит – на выход с вещами: зарплата кончилась, а свет и воду вырубили еще вчера. Мы подошли, мой шеф о чем-то там его спросил, потом я что-то такое вякнул – «Где, мол, граница между глазом и мозгом, между физиологией и психологией?», а он стоит – смотреть больно: на эту мышиную возню лет десять убил, а никому не интересно. Мне его жалко стало, я и говорю: «Пойдем, Билл, пива попьем – что это мы всухомятку твои идеи обсуждаем».

С американцами пиво пить – занятие невеселое, а с таким занудой и подавно. Не без моего понукания он за первую кружку перевалил (до третьей ему, конечно, никогда не добраться) и сразу – про свои планы. Как качество изображения улучшить, как сделать его стереоскопическим – поскольку у всех по паре глаз, как от мышей к собакам перейти – у них зрение поцветнее, да не получится: у него такой индукционной катушки нет, чтобы в нее собачью голову вклеить, а стоит будет – миллиона полтора. Это ведь только так говориться – индукционная катушка, а там какой-то сложный прибор, все проволочки платиновые. Я сижу и думаю: «Вот сволочь, он еще и собак будет эпоксидкой поливать. Вот они – «тихие американцы» – ни стыда, ни совести». Потом ему и говорю: «Билл, а ты не пробовал со своего глаза сигнал записать?» Дескать, ты, сука, прежде чем собак мучить лучше свою голову эпоксидкой залей.

Он взглянул на меня рассеяно и говорит «А зачем? Я же знаю, что я вижу». А я ему говорю: «Нет, это ты знаешь, что ты думаешь, что ты видишь, а что ты видишь, ты не знаешь. И вообще – говорю – ты электронщик века микроминиатюризации, тебе надо не голову в катушку засовывать, а катушку – в голову». Надоел он мне за два часа до смерти, расстались мы (каждый за свое пиво отдельно

заплатил, как у них положено) и я поехал домой коньяк пить – а то у меня от Джонса давление подскочило.

Вот и рассуждай о роли личности в истории, о случайности и необходимости. Не было бы пары таких случайностей – жила бы себе сейчас Америка без глобального мониторинга, и я бы в ней жил – не тужил. Конечно, «Кто же мог знать?» Смотри: накапало еще по одной! Давай, мы и эту – под капусту? ... Слеза, а не «продукт». Я тебя еще не уморил? Тогда слушай, тем более, что моего личного участия дальше не было – я свое черное дело сделал – и в кусты.

Примерно так через полгода – звонок: «Сёрджи, это Билл». Какой Билл? Я и помнить забыл всю эту историю с мышиной географией. Оказывается – Билл Джонс, просит меня приехать, что-то он мне должен показать. Я его спрашиваю: «Что, собачьи головы приклеивать научился?», а он говорит: «Нет, мне теперь клеить ни к чему, приезжай, сам все увидишь». У Билла была пара комнатушек в самом старом здании, еще военных времен – там уже стены потрескались, потолки просели, вонища от тысяч мышей над ним, от нашей знаменитой мышиной коллекции (это здание так и называется – «Мышиная башня», там десятки тысяч мышей живут, самая большая в мире коллекция мышинных генетических линий, на весь мир вонь). Удовольствие у него сидеть – маленькое, я сам в этом здании когда-то месяца три провел – лепил мышиную информационную систему. Может, мышам она и нравилась, но толку большого из этого не вышло. Отдел у нас по трем территориям разбросан, без машины не доберешься. Еду, приезжаю. Билл сидит в темной комнате у «Силикон Графикс». Это рабочая станция для обработки

картинок, к ней есть софтвер и специальные очки, чтобы стерео картинки смотреть. Надеваешь очки, а там левое и правое стекла отличаются поляризацией. Очки инфракрасным лучом связаны с монитором, когда он левую картинку показывает, она через левое

стекло идет и наоборот, у тебя левый глаз видит одну картинку, а правый – другую. Надел он на меня очки, начал крутить кино, вижу – прогресс: цвет есть, стерео есть, все заметно четче стало. Потом смотрю – руки мелькают, и направлены как-то странно: не к мышке, а от нее. Я Билла спросил, а он мне и говорит: «Так это же мои руки как я их своими глазами вижу». Я офонарел.

Зажег он свет, повернулся ко мне – а у него из обеих ноздрей по проводу торчит, и идут эти провода в карман пиджака. Вот это и была первая стучалка – еще без передачи на спутник, без звука, без GPS подсистемы. Если самого Билла не считать, я первый ее увидел. На самом деле, я ее не видел – она у него в носу была, но ты не придирайся, суть дела не в этом.

Стал он рассказывать, а сам при этом сопли с проводов стирает – у него от стучалки насморк был, как высморкается – сопли по проводам в карман, да и сморкаться неудобно. Короче – уже не вивисектор, а настоящий мученик науки. Самое главное – говорит – это идея запихнуть катушку в голову, а не наоборот. Где-то какие-то знаки надо было поменять, что-то по-другому вычислять – и можно мерить распределение не внутри катушки, а снаружи. Оказалось, так давно в разных шпионских приборах и делают. От одного из них Билл достал пару катушечек размером с горошину. В мышиную голову такая не полезет – это все равно, что тебе в голову теннисный мячик запихивать, собак у него, к счастью, не было, оставалось – засунуть все в собственную голову. А там, у нас в черепе, есть гайморовы пазухи, от них и хронический насморк называется «гайморитом». Вроде бы эти полости ни для чего не используются, стенки у них костяные, доступ – прямо из носа, надо только одну тонкую стенку продолбить, что и делают, когда гайморит лечат. Билл сказал, что какой-то приятель-врач ему помогал, но соврал: эксперимент на человеке, хоть и на самом экспериментаторе – дело незаконное. Думаю, этот врач был не просто приятель, а или близкий друг, или Биллова баба – приятель на такое дело не пойдет, риск велик. Все это ерунда, главное – влили Биллу в гайморовы полости эпоксидку, приклеили к черепу

изнутри держалки, а потом в каждую вставили по этой самой горошине. Провода – из ноздрей в карман, а там карманный рекордер, пишет все на цифровой диск через процессор, который сигнал преобразует и помехи убирает.

Он мне часа три рассказывал про свою технологию – как он определяет, какие сигналы с одного нервного волокна поступают, а какие – с разных. Как он их рассортировывал, чтобы картинку правильно собрать – рисовал кресты на бумаге, смотрел на них и подбирал такое соответствие сигналов пикселям, чтобы на экране такой же крест получался, еще что-то такое. Я это тебе лучше расскажу завтра, не за бутылкой. Важно что: Билл теперь ходит по улице и все, что его глаза видят – у него в кармане.

Вторую случайность Биллу не я организовал, а Нью-йоркская полиция. У него была страсть – голландцы, Ван Дейки, Рубенсы и Рембрандты, где розовое мясо – это баба, а остальное – дичь. В Нью-Йорке, в «Метрополитене», была выставка, и он, конечно, туда поехал. Видимо, ему хотелось сравнить, что он видел с тем, что он думал, что видел, потому что горошины и провода он из носа не вынул, а так во всей красе помчался в столицу и побежал в музей. Что там произошло – я точно не знаю. Слышал только, что вечером на Манхеттене он с полицией сцепился – то ли они вломили кому-то, кому не следовало, то ли кому следовало не вломили. Что и как там было – не важно, важно только, что копы нарушили закон, и Билл это углядел. Он завелся, хоть и не ему морду били, в каталажку не его сажали, наручники не надевали, хотя наверняка обматерили. Пошел жаловаться, вызвали этих копов, а они, естественно, в несознанку. Вот тут-то он свой рекордер вытащил и говорит: «Поехали в Коламбию – у моего приятеля там «Силикон Графикс» есть, сейчас я вам покажу – что было и чего не было» Поехали, он показал. Прокурор в тоске: еще одно кляузное дела против полиции. Полицейские затабанили по- американски: «Ничего не знаю, ничего не скажу, разговаривайте с моим адвокатом». Завертелась американская сутяжническая машина, а Билл укатил домой.

II.

Ничего хорошего там он не ждал: давно уже был на грани увольнения за отсутствие грантов, фондов и публикаций. Держался на честном слове. В Америке так не часто, но в национальных лабораториях, вроде нашей, бывает – там на честном слове можно до пенсии просидеть, если не выступать. Через несколько месяцев прибегает к Биллу его босс, глаза на лбу: «Нас с тобой к директору лаборатории, срочно!» Видишь ли, это только так называется – «лаборатория», на самом деле – огромный институт, вроде Курчатника, несколько тысяч человек. Так что директор – большой человек, и то, что все его Аликом зовут, и он всех – тоже по имени, ничего не меняет. Помчались эти два гаврика из вонючей мышьиной башни прямо в центральный корпус, на ковер к начальству, чего ждали – не знаю: уволили бы их без разговора с директором. Входят – все улыбаются, все смолтокают: «Вам кофе с сахаром?» – «Нет, спасибо, я без молока», а в кабинете, кроме директора и обычного народа, сидит еще такой прозрачно-ясный джентльмен в темном костюме и галстук с темно-красной искрой, все на виду, никакого двойного дна и быть не может, глаза ясные, честные и неподвижные, международная порода – КГБ или ФБР.

Разговор дружелюбный, Алик все расспрашивает: «Какие у вас, Билл успехи? Да что же это мы ничего про такую важную область не знаем?! Может вам, Билл, какая помощь нужна?» Какая там помощь, к едрене матери, когда у него в кабинете потолок протекает, того и гляди провалится, а писишка стоит – 1978 года выпуска?! Он там что-то про потолок и компьютер залепетал, а Алик ему и говорит: «Нет, это все несерьезно. Давайте – говорит – сделаем так: вы подготовьте сначала доклад о проделанной работе, мы вас в большой аудитории выслушаем, а одновременно – подготовьте ваши предложения о том, как нам эту работу в лаборатории продолжить и расширить. Сами знаете – с деньгами сейчас туго, но на один-два миллиона в год вы твердо можете

рассчитывать. Кстати, вот доктор Смит из Государственного Департамента очень вашими разработками интересуется, побеседуйте с ним, пожалуйста, а на обратном пути загляните, если не трудно, в отдел кадров – там должен быть готов ваш новый контракт, а то я посмотрел – мы вас 12 лет в должности не повышали». В серьезных делах американцы сарказм не употребляют, так что Билл со своим боссом сразу поняли: ветер в паруса задул попутный, но штормовой. Теперь главное – не опрокинуться, а для этого надо сообразить – откуда такой ветер взялся и кто им там ворожит.

Понятно, что ключ ко всем этим делам в прозрачном докторе Смите. Чего он там доктор – несущественно, а вот молчит он очень ясно и выразительно. Показал ему Билл свое мышинное кино, он покивал, технические вопросы позадавал, но видно – все это ему по касательной. Билл же, сам понимаешь, про стучалку у себя в носу говорить не хочет – она сделана и вставлена в нарушение всех правил, за такие нарушения в три шеи гонят, как за порнуху на рабочем месте. Но Смиты у нас время даром не теряют, сразу – быка за рога, спрашивает с улыбочкой: «А вот скажите мне, пожалуйста, доктор Джонс, как вам удалось Министерство Юстиции на уши поставить?» У Билла глазки забежали: «Вы это о чем?» – «Как о чем? О вашем деле против Нью-йоркской полиции. Там из-за вашего диска такие сражения разыгрались, что и до нас доехало».

Оказывается, Биллов диск дошел до Министерства Юстиции, Госдепа, и, главное, до NSA¹. Главный вопрос был – чем его считать: свидетельским показанием или уликой? Началось с того, что адвокаты тех самых полицейских посмотрели запись и спросили, откуда она взялась. Им рассказали, а они: «А, так это он всего лишь своими глазами видел? Ну, это не улика, а всего лишь свидетельское показание. Нам плевать, что там на пленке зафиксировано – видеокамеры не было? – Не было. Значит, и улик

¹ National Security Agency

нет». Начались споры на эту тему, принципиально новая ситуация возникла: вроде как личные впечатления пострадавшего к делу не пришьешь, а с другой стороны – запись всех событий, при которых он присутствовал, точная и очень хорошего качества. Дилемма, новая юридическая закорючка. Адвокаты на это падки, в верховном суде их хлебом не корми, дай только законы интерпретировать. До NSA слухи дошли, а там не все дураки, сообразили, что возможности у этой штуки неизведанные и надо бы ее к рукам прибрать сразу.

Американское бюрократическое чудо устроено и развивается ровно по тем же законам, что и советское – дело тут не в идеологии, а в системе. Дали Биллу должность через одну, годовая зарплата стала на единичку длиннее – в шесть цифр, он и не заметил, как стал заведовать секцией. Понапихали ему кучу народа – электронщики, физиологи, даже два хирурга, а он все больше сидит в своем новом виварии и сравнивает – как волки и кролики одну и ту же ситуацию воспринимают? По-разному, надо полагать – первые вторыми закусывают. Там где-то мимо него шла разработка первых версий стучалки – с передатчиком, как у сотового телефона, а потом и сразу на спутник, версия с навигационной системой, всякие другие прибабахи. В чем, говорят, Билл поучаствовал так это в расшифровке сигналов ушных нервов, так что у стереокино появился стереозвук. Уже и название у стучалки появилось официальное – SPT, Synchronous Perception Transmitter, уже окрестили ее “ratter”, от глагола “to rat” – стучать, доносить. Потом серийная стучалка появилась – вставят в нос и никаких проводов наружу. Только все тихо шло. Не то, чтобы эта работа была засекречена, просто занимались они вроде мировосприятием животных, про людей и социальные проблемы никто вслух не говорил. Так и шло – года полтора, наверное.

Все, на этом, считай, преамбула заканчивается, одна амбула остается, амбула и амба. Доигрались с техническим прогрессом, сукины дети. Налей мне, пожалуйста, а то я совсем затосковал.

Вот мы с тобой сидим – а ты мне до конца не веришь. А почему? Потому, что я пересказываю, а не показываю. Был бы диск, увидел бы ты, как мы с Биллом пиво пьем, посмотрел бы своими глазами, что мои видели – и все в порядке. Ты сам сколько раз в жизни хотел объяснить, как все было, а тебе не верили или слов не хватало?! Например, с начальством – он орет: «Я еще две недели тому назад распорядился!», а ты знаешь, что врет, но возразить не можешь.

Другой случай возьмем: сколько раз ты пытался вспомнить – что, где и как произошло, а не получалось? Адрес забыл или дорогу – самое время прокрутить пленочку про то, как в первый раз добирался. Я уж не говорю про такую очевидную вещь, что удобно было бы лекции слушать и не отвлекаться на записывание или то же – на важном совещании. Очень это заманчивая перспектива, думаю, каждый из нас хотя бы раз мечтал о том, чтобы свои впечатления зафиксировать.

Никогда не хотелось какие-то моменты заново прокрутить?! В нашем возрасте прошлое чаще будущего снится, да и память хуже. Такая штука очень бы помогла. Само собой – искусство тут и рядом не лежало, хотя возможность посмотреть из какого такого сора они, не ведая стыда, растут, тоже ведь заманчива? Биографы этим все жизнь занимаются, а тут все прямо на экране.

Я уж не говорю о тех, кого избили-ограбили, а свидетелей не оказалось. Ты – в суд, поймали этих козлов, а они, естественно: «Ничего не знаем, ничего не было». И выходишь ты из суда не солоно хлебавши, все тебе сочувствуют, даже адвокаты подсудимых, а сделать ничего нельзя. А вот если у тебя стучалка в носу, то они и рыпаться не будут. Или наоборот – повязали тебя и дело шьют, а у тебя – алиби на пленочке. Переворот в правосудии: засунь себе стучалку в нос и ходи где хочешь, что бы с тобой ни случилось – доказательство в кармане. Так можно домечтаться до полной ликвидации всякой преступности.

Разница между реальностью действительной и реальностью доказуемой всегда была проблемой для государственного аппарата,

который старается ее ликвидировать или хотя бы уменьшить. Другое дело – как: забыть, что не доказуемо или доказать, что было. Сам посуди, в суде то и дело судья говорит присяжным: «Это во внимание не принимайте, а того вы и вовсе не видели и не слышали». Что это такое? Это попытка объявить действительное несуществующим в пользу корректно доказуемого. А тут – одним махом эта разница, если не стирается, то делается ничтожно малой. Вынул диск из коробочки, прокрутил – вот где я окурочку мимо урны бросил, а вот где на длинные ножки загляделся – аж свистнул, все-все, что я видел и слышал, можно проверить и употребить – а для чего, это уж они как-нибудь без меня сообразят.

Давай еще по рюмочке – за то, чтобы не всякая человеческая мечта сбывалась. Я думаю, нам так хорошо пьется еще и потому, что нет «тоски окончания бутылки». Обычно ведь как – пьешь следующую, а сам думаешь: на сколько еще рюмок хватит? А у нас с тобой каждая рюмка – первая! Вот мы ее, эту самую первую – двадцать первую и примем. Нет, это правильно, что я пропускал пока рассказывал – у меня лигрыл² с твоим не сравним, я бы иначе давно был под столом. Ну, давай еще по одной – вечная память гражданским свободам! Обидно, понимаешь, до слез. Билл, кстати, неглупый мужик был – он все понял примерно через два года после начала шума вокруг его стучалки, а еще через год – напился снотворного с виски и не проснулся.

III.

Мы-то, если и мечтали о стучалке, то так, умеренно: для самозащиты, для исследования, в мирных целях. Только у политики свои правила игры, а у психологии – свои свойства. Смесь хамства с демократией – опасный коктейль, поскольку хамство, по Мережковскому, непобедимо. Нам ли этого не знать – семьдесят с

² Лигрыл – литр/грамм на рыло, мера выносливости при питье

лишним лет хамло правило без всякой демократии. Может, не было бы переворота в семнадцатом – сидели бы мы с тобой в Москве, почти как сейчас, и обсуждали бы несчастную судьбу американских иммигрантов в России.

Все началось в Техасе. Техас штат размашистый. Они там самостоятельно свободу от Мексики завоевали, а потом уже к Штатам присоединились – на особых правах. У них есть официальное право отделиться от США в любой момент. И федеральный налог они не платят, то есть, конечно, платят, но называется это как-то по другому – чтобы чувства не задевать. В Лондоне я сам видел вывеску: «Посольство Техаса», у какого-нибудь задрипанного Теннесси такого и быть не может.³ Во всем размах – в тюрьмы сажают десятками тысяч, казнят десятками, только дорого это все обходится казне. В американской политике идея сэкономить деньги налогоплательщиков – все равно, что четыре туза в покере. Вот Техасский сенатор-республиканец и выступил, как только про стучалку разнюхал: «Федеральное правительство народные деньги тратит на всякую научную ерунду, а если что-нибудь толковое получается, то все равно пропадает и не используется для облегчения налогового бремени. Вот, изобрели американские ученые замечательный прибор, который может налогоплательщикам одного Техаса сэкономить несколько миллиардов долларов в год, а правительство его скрывает». Ему: «О чем это ты?» А он: «Как это о чем, о стучалке, конечно. Ведь если заключенному реттер в нос засунуть, то его и сторожить не надо – пускай идет себе на все четыре стороны и на жизнь зарабатывает, чем народный хлеб в тюрьме жрать. Так 90% заключенных можно повыпускать, тюрьмы позакрывать, куда они от нас денутся – в любую минуту каждого полиция по GPS-сигналу отыщет, да и записано – что он там видел, слышал и делал. Остальным – «вышку», и проблема решена».

³ “Texas Embassy” – ресторан в центре Лондона

Шум поднялся. ACLU⁴ протестует, но уж больно вкусно это выглядит – вместо того, чтобы их сторожить, выпустить всех на волю, пускай сами кормятся и знают – всякий их шаг наблюдаем и доказуем. Когда он с любимой девушкой в постель прыгает, то соображает, что может быть все то, что он сейчас своими глазами видит, еще пара-тройка полицейских где-нибудь в наблюдательном центре смакует. Сначала выпускали добровольцев, а потом все добровольцами стали: в тюрьмах очень жесткий режим сделали, а на жалобы отвечали: «Нечего жаловаться, это раньше у вас право на комфорт вплоть до лечения зубов было, поскольку вас свободы лишили, а теперь – ты по собственному выбору сидишь, не хочешь – нос подставил и пошел на волю». Всем очень нравилось – экономия огромная, злодеи ходят по ниточке, у налогоплательщика пропало ощущение, что он на свои деньги мерзавцев содержит.

Потом появились фирмы по установке реттеров, сначала одна, а вскоре – больше дюжины, и во всех – очередь на полгода. Главным образом, конечно, в больших городах – Лос Анжелесе, Нью-Йорке, Майями. Ставишь ты себе в нос стучалку, и фирма выдает тебе специальную карточку, там – твоя фотография и текст: «Фирма «Зоркий глаз» осуществляет непрерывный мониторинг зрительного и слухового восприятия мистера/миссис Браун». Идешь себе по городу, к тебе грабитель – а ты ему эту карточку: «Извините подвиньтесь, но ваша физиономия уже зафиксирована, полиция выезжает». Он, конечно, может и сзади напасть, но ему проще найти другого – без стучалки. Конечно, у этих было не как у преступников: им было достаточно сказать вслух: «Прекратите, пожалуйста, мониторинг до шести ноль- ноль утра» – и все, фирма обеспечивала им privacy.

Пошла мода на стучалки. Все не стесняясь всё записывали и потом друг другу показывали. Скажем, после отпуска на Багамах, вместо видео. Скучно – хуже любительского кино: «Смотрите, смотрите, вот это мне замороженную «Маргариту» в баре подают, а сейчас

⁴ ACLU – American Civil Liberties Union

парень слева будет рассказывать анекдот, я там чуть со смеху не умер». Иногда не очень-то и добровольно показывали: приезжает муж из командировки, а жена ему и говорит: «Дорогой, ты, я надеюсь, стучалочку там не выключал? А что там видел, кого встретил? Не возражаешь, если я пленочку завтра посмотрю? Нет, конечно, я тебе доверяю, просто мне хочется, чтобы как будто мы с тобой везде – вместе».

Баптисты южные, все крутые религиозники, обрадовались: «Стучалку Бог не зря именно американцам послал, потому что только в Америке с помощью Бога и прогресса можно покончить с грехом окончательно». У нас на Юге, в некоторых баптистских общинах, стучалка для верующих стала обязательной. Они там друг друга контролировали, но демократично: в сомнительных случаях, вся община в воскресенье после службы оставалась спорную пленку смотреть, а потом решала – был грех или нет.

Католики стали обсуждать вопрос: не обязать ли исповедующихся показывать запись всех событий со дня предыдущей исповеди и до сегодняшней священнику? Ну, этот номер не прошел по практическим соображениям: священников не напасешься все пленки прихожан смотреть. Кстати, католические организации до сих пор финансируют разработку поддержки запросов к видеозаписям. Это чтобы не смотреть самому пленку, а запустить программу с запросом: «найти кусок, где на экране едят», а программа этот кусок распознает и вытащит, еще может и меню обеда распечатать – если хорошо видно.

Ты, наверное, думаешь, что американская богема, художники, Голливуд всякий на дыбы встали? Ошибаешься: они главными добровольцам и были, у них стучалка сразу в моду вошла. Кто-то из больших звезд вложил сто миллионов в стучалку, передающую запахи, хотя из этого ничего не вышло. Одно дело – зеркало на потолок и видеокамера в углу, это, сам понимаешь, тривиально. А вот когда после славного траха садятся в обнимочку к двум телевизорам и каждый наблюдает, что его партнер во время траханья видел и слышал, как бы в его кожу влезает – это

настоящий кайф. Да еще, конечно, куча психологов верещит: «Ах, это так замечательно, так помогает взаимопроникновению и взаимопониманию, придает новую глубину семейной близости, небывалый прогресс в сексуальной жизни». Что слева, что справа – для всех у стучалки крючок нашелся. Пожалуй, только наш брат – средний класс, болото – остался в стороне: нам телевизора хватало.

Кстати, о телевизоре: вместо мыльной оперы пошла непрерывная передача «Дни и ночи Лизы Браун». Лиза – захудалая старлетка – продала телевизионной компании записи своей стучалки на пять лет вперед. Компания купила право посылать ее туда-сюда и устраивать ей всякие приключения. И все это – со спутника в студию. Канал открыли специальный, 24 часа в сутки идут те же самые сутки у Лизы, со всеми подробностями. Это только первая ласточка была, потом почти все американские celebrities своими пленками торговать стали, цены оказались невысокие. Одна голливудская парочка перед свадьбой заключила контракт – продала записи за медовый месяц. Что-то там у них не сложилось, разбежались они через три дня – так телекомпания потом с ними три года судилась: деньги они вперед получили, запись предоставили, а уж что там они в течение этого месяца должны были делать – этого в контракте не было.

Я думаю, американское общество было к стучалке морально подготовлено. Понимаешь, чувство приличия у нас хорошо развито, а вот со стыдом дело туго. Растлитель детей вполне может выступить по телевизору и заявить: «Я 20 лет отсидел, долг обществу заплатил, теперь пишу книжку о своей нелегкой жизни в тюрьме и до, а права мои и свободы ущемлять нельзя. И вообще, это безобразие и дискриминация, что меня в детский сад воспитателем не берут – я других не хуже, да и контакт с детьми теснее». И никто ему в рожу не плюнет, хотя в детский сад работать все-таки не возьмут. Так что очень немногих смущал факт, что то, что они в уборной наблюдают, может стать достоянием публики. Чего стесняться?! Все там бываем. Помнишь, когда этого президента, фамилию забыл, пытались на вранье поймать, все

подробности его интрижки в конгрессе разбирались – и ничего, девочка та сразу книжку написала.

Либералов стучалка на другой крючок поймала. Американским либералам равенство и порядок дороже всяких свобод. Поэтому они сразу стали за стучалку – всем, для всех и бесплатно, как всеобщее медицинское обслуживание, а мониторинг у частных компаний отобрать и передать в чистые и образованные руки специальной организации. Главное – все централизовать, всем стучалку в нос, а автомобили запретить, поскольку они воздух портят.

Сначала была пара громких дел: полицейских наблюдателей поймали на том, что они пленки подделывали, переписывали с одной на другую – получалось, что кто им заплатил – тот дома сидел, а кто дома сидел – насиловал. Поймали их за руку, и решили: всем им – стучалку в нос, в рабочее время чтоб не выключали. Потом всему полицейскому начальству. Потом всем налоговым инспекторам. Потом всем врачам и медсестрам. Добровольно, конечно: хочешь – ставь, не хочешь – увольняйся. Потом страховые компании стали давать скидку тем, кто со стучалкой, а остальным, естественно, цены подняли. И пошло, и пошло: школьные учителя, университетские профессора, наконец, автослесари – как иначе проверишь, что он и правда масло в карттере сменил?!

Если тебе сторож нужен, ты кого наймешь? Того, кто никогда не крал, или того, кого всегда проверить можно? То-то и оно – второй надежнее. Первый, может, и крал, да не попадался, а второй на контроле. Так что бандиты свои охранные фирмы пооткрывали – со 100% гарантией. То, что кандидат в президенты обещает стучалку ни на минуту не выключать во время всего своего президентского срока еще не так страшно, страшнее, когда кандидата обвиняют в том, что он без стучалки в носу живет. Да теперь уже в кандидаты без нее не пролезешь.

Как обвал – не успели оглянуться – три четверти населения гордо ходит со стучалкой в носу. Раньше дошлые корреспонденты ловили официантов в «Макдональдсе», когда те гамбургеры с пола на

тарелку клали или просто в нее плевали, а теперь – идешь в «Макдональдс», а там объявление: «100% гарантия чистоты и качества – весь наш персонал остучален». Английский – гибкий язык, сначала из “to rat” сделали “ratter”, а потом из реттера – “to be rattered”, что значит получить стучалку в нос, «остучалиться». Ну, и цены конечно – в остучаленных «Макдональдсах», больницах, гаражах, сам понимаешь, раза в полтора выше.

Тут без рюмки не обойтись, необходима. Под капусту. Под селедочку. И сразу – еще по одной, потому что японский мне уже не выучить. Начальное состояние оказалось в Америке подходящим, из него как обвал, падение с небоскреба – блямц и амба. Почитаешь Оруэла и кажется, что ввести телескрины со старшими братьями без большой крови или хоть маленькой революции нельзя. Ан нет! Ничего этого не нужно, достаточно подойти к этому правильно, и мы сами за телескринами в очередь встанем, еще драться будем – кто скорее купит и повесит.

Все, финита. Остались технические подробности: появились шлемы-маски: лицо закрывают, и передачу блокируют – чтобы не записалось, что ты в дырки видишь. Уже в тринадцати штатах ввели законы – незаконное владение шлемом приравнивается к незаконному владению оружием. Что? Конечно, есть и законные владельцы, а ты как думал?! Например, если надо обеспечить анонимность присяжных в суде – как ты это без шлемов сделаешь? Или скрыть личность свидетеля. Иногда на несовершеннолетних подсудимых надевают – по той же причине.

Как и следовало ожидать, мониторинговые компании стали попадаться на жульничестве. Выяснилось, что можно три часа орать «Помогите!» и никакая полиция не приезжает. Потому что компания стучалки сама ставит, а мониторинг другой продает. А там сажают за сто телевизоров одного мексиканского нелегала – за 5 долларов в час – и говорят: «Смотри, если что случится – зови старшего», а тот или курит в сортире или кофе пьет. Мексиканец к концу 10 часовой смены засыпает. Все как с НМО, с управляемой медициной – или дешево, или хорошо, а вместе не бывает. Еще

хуже: поймали компанию, которая пленки на черном рынке продавала – пикантные эпизоды на порнуху. Ну, понятно, реклама стала такой «В нашей мониторинговой компании нет ни одного сотрудника без стучалки!» Потом закон ввели – компания не может мониторить своих служащих сама. Стали компании пополам делиться – одна половина служащих другой половины мониторит, и наоборот. Рука руку моет.

Все, пойдем спать. Тебе уже скучно слушать про все эти подробности, а мне – рассказывать, да и в газетах все это есть. Когда про катастрофу – ужасов ждешь, Чечни или Афганистана, а здесь – одна скучная рутина, экономика и социальная психология. Так и сдохнем – с зевком во рту и стучалкой в носу.

M20

Два соображения оправдывают стиль: рассказ, треп – единственный стиль, которым я сколько-нибудь владею – хотя бы устно. А где треп – там и бутылка, а уж бутылку надо пить в Москве, как в старое время – следовательно, со старым другом, откуда и детали, например, самогон. Кроме того, описать, как я рассказываю о событиях гораздо легче, чем описать сами события – меньше подробностей и требований к логике в их развитии.

Эдакая социальная фантастика получилась нечаянно. На самом деле хотелось про любимую тему – соотношение действительности и ее представлений. «Стучалка» - автомат, производящий синхронное описание происходящих со мной событий. Каждый, кто видит себя на кино- или видеопленке или хотя бы слышит запись своего голоса, испытывает шок непохожести. Скорее всего, просматривая стучалкину пленку, мы испытаем такой же шок – реальность станет непохожа на свою запись.

С идеей «стучалки» в абстрактном виде (без глазных нервов, гайморовых пазух и т.д.) я играл несколько лет. Все выглядело иначе – никакой гибели Америки, куча психологических соображений, единственное, что сохранилось – юридические проблемы. Недавно в Оксфорде на все это стало вдруг «нарастать мясо» - появился Билл Джонс, снятие зарядов с нервных волокон, а потом уже и всякие следствия – от социальных до сексуальных. Жаль, конечно, что все это написано в таком гаерском тоне – дело-то вполне серьезное, но через себя не перепрыгнешь.

Реально существует лаборатория, где якобы работал Билл Джонс, «Мышиная башня» в ней, ее директор Алик, который, кстати, прилично говорит по-русски, домашний арест с радиобраслетом на ноге – применяется к условно-досрочно освобожденным довольно широко, папарации, мыльные оперы, гангстерские охранные фирмы. Обсуждается зависимость медицинской страховки от генетической предрасположенности к раку, и т.д., и т.д.